А. В. Соловьев

https://orcid.org/0009-0009-7388-3266
✉ *alexander5olovev@yandex.ru*
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Россия, Ярославль)

Стрельцы домонгольской Руси (по летописям XII–XIII вв.)

Аннотация. Настоящее исследование посвящено конным лучникам домонгольского периода, названным в летописях *стрельцами*. Анализ письменных источников показывает, что стрельцы имели уникальные тактические функции. Военачальники разных регионов Руси неизменно выделяли стрельцов из общего числа воинов для проведения стратегических и тактических маневров. Именно отряды конных лучников отвечали за боевое охранение войск на марше, преследование противника, а также противодействие вражеской стрелковой коннице. Летописи позволяют выделить региональную специфику, которая отличала стрельцов Галицкой Руси от конных лучников киевского князя. Археологические данные уточняют степень боевой эффективности стрелецких отрядов и дают возможность провести сравнение со стрелковой конницей степных соседей. Сопоставление письменных источников и находок из половецких курганов позволяет выдвинуть гипотезу о схожести систем комплектования отрядов конных стрелков. Изучение данного аспекта древнерусского военного дела помогает реконструировать структуру и охарактеризовать потенциал войск средневековой Руси, а также способствует изучению взаимодействия культур Руси и Дикого поля.

Ключевые слова: средневековая Русь, военное дело Древней Руси, конные лучники, стрельцы, тактика, роды войск, военная организация

Для цитирования: *Соловьев А. В.* Стрельцы домонгольской Руси (по летописям XII–XIII вв.) // Шаги / Steps. Т. 12. № 3. 2026. С. 35–55. EDN: XDAVHS.

Поступило 3 сентября 2025 г.; принято 29 июня 2026 г.

© А. В. СОЛОВЬЕВ, 2026

A. V. Solovev

https://orcid.org/0009-0009-7388-3266
✉ *alexander5olovev@yandex.ru*
P. G. Demidov Yaroslavl State University
(Russia, Yaroslavl)

Mounted archers of pre-Mongol Rus' (according to the chronicles of the 12th–13th centuries)

Abstract. This study focuses on mounted archers of the pre-Mongol period, referred to as *streltsy* in the chronicles. Through analysis of written sources it has been established that the *streltsy* performed unique tactical functions. Military leaders from various regions of Rus' consistently selected them from the main body of warriors for specific strategic and tactical maneuvers. Units of mounted archers were responsible for providing combat security for the army on the march, as well as for pursuing and countering enemy cavalry. The chronicles allow us to identify regional specifics that distinguished the streltsy of Galician Rus' from the mounted archers of the Kievan prince. Archaeological data clarifies their capabilities and prevalence, enabling a comparison with the mounted archers of neighboring steppe nomadic groups. By comparing written sources with findings from Polovtsian burial mounds, we can hypothesize a similar recruitment system for mounted archer units. In particular, it was found that both Polovtsian and Rus' cavalry were drawn from the junior squad. The vulnerability shown by 13th-century horse archers prompted a shift in how they were deployed on the battlefield. After the Mongol invasion, Rus' commanders felt the need for new types of units to bolster the effectiveness of their traditional combat formations. Thus, study of this phenomenon in medieval warfare provides valuable insights into the military structure and potential of medieval Rus', contributing to a broader understanding of the interaction between Rus' and the "Wild Fields".

Keywords: medieval Rus', military affairs of Ancient Rus', mounted archers, *streltsy*, tactics, kinds of troops, military organization

To cite this article: Solovev, A. V. (2026). Mounted archers of pre-Mongol Rus' (according to the chronicles of the 12th–13th centuries). *Shagi / Steps, 12*(3), 35–55. EDN: XDAVHS. (In Russian).

Received September 3, 2025; accepted June 29, 2026

© A. V. SOLOVEV, 2026

EDN: XDAVHS

Изучение военного дела домонгольской Руси традиционно подразумевает фокус на событийной стороне того или иного сражения, его причинах, политических или экономических последствиях. При этом особенности организации тех сил, от которых зависела победа в конфликте, до сих пор нельзя считать достаточно изученными. Летописные источники вполне позволяют реконструировать некоторые принципы, на которых строилось древнерусское войско как целостная структура, и проследить их развитие на протяжении нескольких веков.

Одной из важных особенностей вооруженных сил является наличие тех или иных родов войск в их составе. В данной статье под понятием «род войск» понимается составная часть любой армии, включающая воинские формирования, которые имеют свойственные только им основное оружие и способы их боевого применения. Существование внутри армии разветвленной системы отрядов, которые имели свою специализацию, позволяет определить, какие задачи ставились перед войском, какими способами они решались и то, как менялась ситуация с этой точки зрения на протяжении нескольких исторических этапов: от Владимира Мономаха до разорения Руси монголами.

Данная работа посвящена стрельцам — одному из специализированных отрядов внутри древнерусского войска. Их изучение позволяет реконструировать спектр задач, которые было способно решать войско Средневековой Руси, а также выявить особенности его комплектации и влияние соседних культур на формирование древнерусских воинских структур.

Слово *стрѣльць* употребляется в источниках XII–XIII вв. Как и в более поздние времена, им обозначали воина-стрелка [Срезневский 1912. Стб. 570]. Помимо этого, в древнерусских источниках встречается термин *суличьникъ*, производный от метательного копья *сулицы* [Там же. Стб. 616–617], а значит, детерминация родов войск книжником была довольно узкой и понятие *стрелец* было закреплено за лучниками.

Организационная структура древнерусского войска долгое время оставалась дискуссионной. Тем не менее общепризнанной на данный момент является следующая концепция. С XI в. пехота выступает вспомогательным родом войск, а тяжелая конница, представленная городскими полками, играет ключевую роль на поле боя. Помимо тяжелых всадников в войске существует легкая конница, выполняющая функцию застрельщиков и боевого охранения. К легкой коннице в первую очередь относятся стрельцы [Зеленов 2022: 63].

Главными источниками, которые позволяют прояснить назначение стрелецких отрядов, их состав и вооружение, являются домонгольские летописи. Наиболее значительный объем информации содержит Киевская летопись (далее — КЛ), а также Повесть временных лет (далее — ПВЛ) и Галицкая летопись (далее — ГЛ). Кроме того, противостояние с древнерусскими лучниками описали автор «Ливонской рифмованной хроники» и Генрих Латвийский.

Важно отметить, что летописцы различали «стрельцов» и остальной «полк». Описание тактических ситуаций, в которых оказывалось войско во время походов, позволяет выяснить причину такого обособления данной воинской группы. Любопытно, что сохранившиеся тексты фиксируют наличие стрельцов в нескольких географических зонах державы Рюриковичей, однако наиболее часто лучная конница представлена в южных регионах.

Развитие лучного боя и засадной тактики в войске Древней Руси изучено лишь в отдельных аспектах. Первым выделил стрельцов как легкую конницу в составе древнерусского войска академик Б. А. Рыбаков [1951: 404]. Он отметил их специфическое вооружение, подчеркнул, что в состав стрельцов набирали союзников из кочевого пограничья либо древнерусских воинов со всех полков общего войска, и предположил, что конные лучники имели большое значение: «В древнерусской тактике большую роль играли конные лучники, без которых не обходилось ни одно сражение» [Там же: 410]. Он же обозначил, что они выступали в качестве передовых отрядов и защитников переправ.

В работе, посвященной военному делу XIII–XV вв., А. Н. Кирпичников пишет, что сам факт выделения стрельцов в отдельную группу в XIII в. свидетельствует о высоком уровне развития древнерусского войска. Однако исследователь не делает акцента на тактике конных лучников в указанный период [Кирпичников 1976: 8].

А. В. Терещенко [2014] проанализировал примеры использования стрелецких отрядов и выявил ряд их характеристик. Исследователь отмечает, что лучники получили собственное обозначение и были выделены в отдельное тактическое формирование только в конце XI в., несмотря на то что использование луков фиксировалось еще с середины X в. На основе известий о битве на Калке Терещенко выдвинул предположение об экипировке стрельцов, а также сделал ряд наблюдений по поводу социального состава данного рода войск. Ученый приходит к заключению о том, что конные лучники Руси комплектовались воинами младшей дружины и кочевыми «федератами». Кроме того, он предположил, что стрельцы являлись конными лучниками. Рассматриваемая работа наиболее важна для нас, так как представляет собой первое специальное исследование феномена стрельцов домонгольского периода. Однако Терещенко во многом повторяет замечания, сделанные еще Б. А. Рыбаковым, не рассматривая, например, все способы тактического применения стрельцов.

В недавней работе о тактике древнерусского войска А. В. Зеленов отождествил их с кочевниками и осторожно предположил наличие «своих» стрельцов, сославшись на упоминание «молоди» в составе их отрядов, а также согласился с тем, что конные лучники применялись в качестве авангарда и заградительного отряда на переправе [Зеленов 2022: 64–65].

* * *

Стрельцы впервые упоминаются в статье ПВЛ по Ипатьевскому списку за 6601 (1093) г. в рассказе о битве на Стугне, в ходе которой киевский князь Святополк Изяславич и его братья пытались отразить масштабный набег кочевников: «И се половцѣ идяху противу, и стрѣлци противу пред ними...»[1] [ПСРЛ (2). Стб. 211]. Этот эпизод показывает обособление стрельцов от остальных войск — они обозначены специальным термином и действуют перед основными силами. А. В. Терещенко на основе данного известия предположил, что древнерусские стрельцы, так же как и кочевники, были конными, на что указывает и использование обобщающего термина, и логика их применения в полевом сражении против степняков [Терещенко 2014: 97]. Кроме того, само сражение состоялось в период, к которому относят увеличение роли конницы в древнерусском войске, что находит подтверждение в письменных источниках [Зеленов 2022: 60–62].

Сопоставление с данными археологии позволяет уточнить этот тезис. Согласно фундаментальной работе А. Н. Кирпичникова, находки фиксируют существование конницы уже в X в., но всадник того периода лишь копировал своего южного соседа — степняка. На рубеже XI–XII вв. облик древнерусского всадника видоизменяется. Конница отходит от подражания степнякам и начинает вырабатывать собственные механизмы боевого взаимодействия. В частности, происходит разделение конницы на копейщиков и лучников [Кирпичников 1973: 179–180]. Таким образом, и письменные источники, и археология свидетельствуют о переходе к конному бою. Пехота же, по общему мнению, теряет значение и начинает играть вспомогательную роль [Зеленов 2022: 71].

Однако ПВЛ фиксирует только становление стрелецкого войска. Зенитом его развития стала середина XII в. В описании походов Изяслава Мстиславича действия стрельцов описаны наиболее подробно. Вероятно, частота их упоминаний связана как со сменой профессиональной принадлежности информаторов летописцев, так и с увеличением числа стрельцов в составе армий.

Как отмечают А. В. Комар и А. В. Борисов, в XII в. в Поросье формируется кочевая округа. Представителей местной археологической культуры, отличной от древнерусской, отождествляют с летописными черными клобуками [Комар, Борисов 2021: 30]. Вероятно, что образование племенного союза, который жил в тесном сотрудничестве с оседлым древнерусским населением, стало причиной повышения численности отрядов стрелковой конницы, формируемой либо из самих степняков, либо за счет внедрения их военных традиций в дружинную среду. Такое изменение в составе структуры войска и его тактики не могло остаться незамеченным

[1] Здесь и далее летописных цитатах восточнославянская орфография передается упрощенно, но с сохранением букв ѣ и ъ, титла раскрываются, прописные буквы употребляются в соответствии с правилами современного русского языка, пунктуация приближена к современной.

представителями военной элиты, что и нашло отражение в описании конкретных деталей сражения.

Главной сферой боевого применения стрельцов был дальний бой. Во время похода от Чернигова на Любеч в 1148 г. Изяслав столкнулся с необходимостью переправы через реку, на другой стороне которой его уже поджидали войска черниговской династии Ольговичей. Поход был затеян с целью разорения земель этих князей. Разграбив села вокруг стольного города своих соперников, Изяслав намерился разорить Любеч, где находилась «вся жизнь» (т. е. обозы и запасы) вражеского князя. Однако на его пути встало войско братьев черниговского князя:

> Изяславъ исполчи воя своя, поиде противу имъ и нѣлзѣ бы ему ихъ полкомъ доѣхати тою рѣкою, но стрѣлци ся о ню бьяхуть от обоихъ [ПСРЛ (2). Стб. 361].

Таким образом, несмотря на невозможность переправы, Изяслав использовал своих стрелков для того, чтобы нанести урон силам противника, что подтверждает важность применения стрельцов как воинов, владеющих дальнобойным оружием. Кроме того, необходимо обратить внимание на фразу «стрѣльцы ся бьяхуть от обоих»: черниговская династия тоже располагала своими лучниками.

Из статьи 6657 (1149) г. КЛ очевидно, что во время похода киевский князь использовал стрельцов уже как самостоятельное подразделение. В рамках данной кампании Изяславу предстояло отражать нападение князей из Владимиро-Суздальской земли, возглавляемых Юрием Владимировичем, который стремился стать «князем Русской земли». Изяслав вовремя узнал о противнике, успел выслать передовые отряды и разгадать план Юрия, после чего приступил к активным действиям:

> Изяславъ же, то слышавъ, повелѣ половцина[2] перетяти тако съ опоною, а черныя клобукы и молодь свою пустиста[3] напередъ до Переяславля, а сама поидоста полкы своими по нихъ. Пришедши же стрѣлци от Изяслава и от Ростислава и възбиша ратьныя от города [ПСРЛ (2). Стб. 379].

Данный эпизод особо показателен, так как стрельцы выступают в качестве самостоятельного подразделения, которое имеет собственную боевую задачу. Очевидно, что такое поручение они имели в силу большей мобильности по сравнению с другими типами войск. При этом важно отметить, что стрельцы Изяслава были полноценной боевой единицей, так как он явно рассчитывал, что они смогут отбросить авангард Юрия и удержать город до прибытия основных сил. Эпизод интересен еще и тем, что, ис-

[2] Информацию о замыслах суздальского князя Изяслав получил от пленного половца из войска Юрия. Судя по данному фрагменту, после допроса половец был казнен.

[3] Двойственное число указывает на то, что действуют два брата — Изяслав и Ростислав Мстиславичи.

ходя из контекста повествования, группы черных клобуков и «молоди», которых послал Изяслав, в следующем предложении объединены под одним понятием *стрельцы*. Логика обозначения этих двух отрядов одним универсальным термином указывает на военно-техническое обобщение молодых воинов и кочевников, так как их способ ведения боя был схож.

Примечательным штрихом к особенностям конфликта середины XII в. является упоминание о роли стрельцов в сражениях. Во время упомянутого похода Изяславу и его союзникам пришлось биться с объединенными силами Ольговичей и Юрия Владимировича. При этом в ходе стычки основные войска задействованы не были. Сражение ограничилось перестрелкой двух сторон:

> Видив же Гюрги, и Святославъ Олговичь, и Святославъ Всеволодичь, оже полци идуть, и тако исполцивше полкы своя, поидоша противу имъ, и прошедше валъ, ту сташа, зрящимъ на ся, стрѣлцемъ же бьющимъся межи полкомъ [ПСРЛ (2). Стб. 381].

Данное сообщение проясняет два любопытных момента. Во-первых, конные стрелки применялись в начале сражения, вероятно, чтобы нанести урон вражеским дружинам до начала копейной сшибки. Во-вторых, Гюрги (Юрий Долгорукий) тоже располагал стрелками для сопротивления передовому отряду Изяслава. Причем эти стрелки смогли дать отпор людям киевского полководца. Летописное описание битвы на Руте проясняет состав суздальского стрелкового полка: «Половци же Гюргеви ни по стрѣлѣ пустивше тогда побѣгоша» [Там же. Стб. 438]. Мы видим, что стрелецкий отряд Юрия состоял из половцев, которые выполняли те же функции, что и стрельцы Изяслава. Их схватка заняла все время битвы, и до сражения главных сил дело не дошло.

Исходя из вышесказанного, можно не только судить о роли стрелков именно в войске Изяслава, но и предположить, что в домонгольский период битва могла закончиться без полномасштабной сшибки. В рассматриваемом конфликте стрельцы имелись в обоих полках, что позволяет сделать вывод о наличии отряда данного типа в армиях других князей. Важность наличия конных лучников вызвана необходимостью дать симметричный отпор соперникам в междоусобице за счет отрядов, выполнявших быстрые маневренные действия (перехваты и погони). Итак, Изяслав не был единственным полководцем, активно применявшим стрельцов в бою, хотя описание боевых действий именно его войска в КЛ содержит наибольшее число деталей.

В кампании 1151 г. Изяслав снова блестяще применил стрельцов как специальное подразделение против своего давнего врага. В ходе неудачного похода на вотчину Изяслава Юрий Владимирович потерпел поражение в сражении у Лыбеди, однако не отчаялся и предпринял попытку соединиться с силами своего союзника, галицкого князя Владимира Володаревича. Разгадав замысел противника, киевский князь и его союзники отправились в погоню. В этой ситуации роль преследователей доверили

стрельцам. Те успешно справились со своей задачей — настигли обоз и вынудили Юрия Владимировича и союзников принять невыгодный бой:

> Вячьславъ же, Изяславъ и Ростиславъ, то видивше, оже идуть от нихъ прочь, и пустиша но нихъ стрѣлцѣ своя черныя клобукы и русь, и тако начаша наѣздити в задъ полковъ, стрѣлятися с ними и почаша у нихъ возы отимати... [ПСРЛ (2). Стб. 436].

Примечательно, что термин *стрельцы* используется в качестве обобщающего при упоминании отрядов черных клобуков и руси (т. е. киевлян). Данное перечисление можно трактовать как указание на то, что стрельцы, степняки и «русь» являются тактическими единицами одного назначения. Либо данное словоупотребление призвано пояснить, что стрельцами были те киевляне и черные клобуки, которые входили в группу стрельцов. Однако обе трактовки указывают на связь стрельцов с кочевническим стилем ведения боя.

Таким образом, можно видеть, что стрельцы в войске Изяслава Мстиславича выступали как отдельное подразделение, способное на решение важных, порой стратегических, задач. Судя по специфике их применения, киевский военачальник опирался на два качества стрельцов — автономность действий и мобильность. Последняя позволяла этим воинам добраться до необходимого места быстрее основных сил и выиграть инициативу для остального войска. При этом стрельцы были в состоянии удерживать ключевые позиции, для захвата которых были отправлены, что указывает на наличие у них необходимой экипировки и навыков.

В XII в. помимо Изяслава Мстиславича стрельцами располагали и другие князья южных регионов средневековой Руси. Рассказы об их походах позволяют уточнить специфику применения стрельцов в бою. Так, согласно КЛ, в походе, прославленном Словом о полку Игореве (далее — СПИ), участвовало шесть полков, три из которых возглавляли князья, еще два были под командованием воеводы Ольстина, а последний полк состоял из стрельцов:

> И ти изрядиша полковъ s҃ (шесть. — *А. С.*): Игоревъ полкъ середе, а по праву брата его, Всеволожь, а по леву Святославль, сыновца его, на переде ему сынъ Володимерь и другии полкъ Ярославль, иже бяху с Ольстиномъ коуеве, а третии полкъ на переди же, стрѣлци иже бяхуть от всихъ князии выведени [ПСРЛ (2). Стб. 640].

Летописец не упоминает у стрельцов какого-то отдельного командира, называя лишь расположение полка впереди строя и отмечая его сводный состав. Кроме того, в данном эпизоде сказано, что черниговский контингент, возглавляемый Ольстином, включал в себя полк ковуев — степняков, которые уже упоминались в КЛ как служившие Изяславу Мстиславичу в качестве стрельцов черные клобуки. Из описания этого похода следует, что для древнерусского человека стрельцы и половцы не идентичны, так

как обозначаются разными словами и в боевом порядке располагаются в два отдельных строя. В то же время видна взаимосвязь между традиционным стилем боя кочевников и тактической ролью стрельцов, ведь при описании войскового строя говорится о том, что два полка стоят рядом, действуя в боевом столкновении совместно друг с другом и с полками молодых князей. Тем не менее отряд степняков не выглядит стрелковым априори: для тактического руководства конные лучники выделялись в отдельную формацию.

СПИ вовсе не содержит слова *стрѣлци*. Его автор не уделяет внимания ни построениям полков, ни их составу. Однако в этом источнике отмечается наличие у курской дружины своих лучников:

> А мои ти куряни свѣдоми къмети ‹...› / луци у нихъ напряжени, / тули отворени, / сабли изъострени; / сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ... [СПИ: 12].

Позднее, уже в разгар рокового сражения, автор, восхищаясь доблестью князя, подчеркивает, что Всеволод лично и весьма успешно «прыщет стрелами» [Там же: 15].

Приведенные пассажи заставляют задаться вопросом о том, почему в летописи курские воины, которых возглавляет Всеволод, находятся позади войска и действуют как тяжелая конница, а в СПИ упомянуто наличие у них луков, что свойственно передовым отрядам стрельцов. Вероятно, вооруженные луками куряне вошли в полк стрельцов. В таком случае их объединили с лучниками из других дружин, из-за чего полк назван летописцем не по городу, а по роду войск. Таким образом, мы можем предположить, что комплектовались стрельцы уже во время кампании, путем отбора всех стрелков из собравшегося войска. Возможно и то, что стрельцы сами по себе были не единственными лучниками в древнерусском войске и курские тяжеловооруженные всадники, особенно в условиях степных боев, охотно брались за луки, что подтверждает пример их князя Всеволода. В таком случае еще более значимым становится выделение летописцем стрельцов в отдельный полк со своими тактическими задачами, так как воины данного рода войск отличаются от остальных в первую очередь не оружием, а тем, что играют роль авангарда.

* * *

В XIII в. стрельцы также упоминаются в походах Рюриковичей. ГЛ сообщает о стрельцах в войсках князя Даниила Романовича. В записи за 6764 (1256) г. рассказывается о походе Даниила, его брата Василька, сына Льва, и их союзников из польских земель на ятвягов. При повествовании о начале похода летописец Даниила описывает военный совет:

> И рѣша мужи браньнии: «Ты еси король голова всимъ полкомъ. Аще насъ пошли наперед кого, не послушно есть. Вѣси бо ты воиничкии чинъ, на ратехъ обычаи ти еть. И всякыи ся тебе усра-

> мить и убоиться. Изииде самъ напередъ». Данилъ же изрядивъ полкы и кому полкомъ ходити самъ изииде напередь и, стрѣлчѣ же пусти напередъ, а другия обаполы дорогы [ПСРЛ (2). Стб. 831].

Речь «бранных мужей», в которой подчеркиваются знание Даниилом воинского «чина» и его привычка к войне, указывает на то, что древнерусские военачальники прекрасно сознавали важность стратегии и тактики при организации своих походов и стремились передать руководство опытному человеку. При обсуждении назначения командующего упомянуты как наличие боевого опыта («на ратехъ обычаи ти еть»), так и теоретические познания («Вѣси бо ты воиничкии чинъ»), что указывает на бытование в среде древнерусских полководцев общих представлений об искусстве ведения войны, согласно которым отдельные лица выбирались лидерами похода.

Летописец подчеркивает роль князя как носителя тактических традиций. Можно с уверенностью полагать, что благодаря мобильности Рюриковичей, активно передвигавшихся по всему пространству средневековой Руси, жители разных регионов знакомились с последними тенденциями в военном деле.

Итак, «привычный к ратям» галицкий князь «изрядил» полки для марша. Важно отметить, что описанный боевой порядок был устроен не для сражения, а для походного продвижения к месту битвы, иллюстрируя новую тактическую ситуацию применения стрельцов. Даниил, «ведающий воинский чин», разместил их в походной колонне, как и на битву, впереди своего полка, отправив «других» (по-видимому, другие отряды стрельцов) на обе стороны дороги. Тем самым стрельцы выступили в качестве прикрытия флангов основного полка на случай засады. Их продвижение по сторонам дороги обеспечивало разведку для остального войска. Такое расположение лучников в составе колонны, вероятно, обусловлено тем, что именно ратники, вооруженные дальнобойным оружием, были наиболее эффективными при внезапном столкновении с врагом. Кроме того, как следует из пассажей, рассмотренных выше, в битве стрельцы традиционно начинали бой. Следовательно, в случае обнаружения врага они могли начать схватку, исходя из классической тактики древнерусских стратегов, выиграв время для построения тяжелой конницы. Интересно и то, что Даниил озаботился боевым охранением флангов своего войска на марше.

Уже после описания начала сражения летописец рассказывает о другом боевом эпизоде, где оказались задействованы стрельцы:

> Онѣм же воружившимся стрѣтоша стрѣлци конѣць вси, рекомѣй Привища, и возгнаша и. Данило же и Левъ тоснущася к нимъ и кликоста великомъ гласомъ: «Бѣгъ, бѣгъ ятвязем». Ятвязем же видившимъ скорое пришествие, и не стѣрпѣша и увратишася на бѣгъ. Бывшимъ же имъ средѣ вси, пакы возвернушася. Данилови же и Львови одинако належащима на нѣ, и вѣргъшим сулицами, и

> пакы навратишася на бѣгъ. Стрѣлцем же стрѣляющимъ, оружником же не бывшимъ с ними. Прибѣгъшимъ же имъ к воротомъ и смятшимся, и прибѣгшимъ же у ворота, друзии же навернушася [ПСРЛ (2). Стб. 832–833].

Вопрос, кто подразумевается под словом *они*, дискуссионен. Авторы перевода ГЛ [Лихачева 1997: 276–277] считают, что имелись в виду ятвяги. Однако, исходя из контекста, логичнее предположить, что ятвяги вооружились и встретили лучников Даниила (а не уже готовые воины Даниила внезапно встретили ятвяжских лучников после разведки), тем более что эти лучники были упомянуты выше. Более того, упомянута стрельба только одной из сторон. Отсутствие типичной формулировки, обозначающей взаимную перестрелку, и замечание о везении Даниила также указывают на то, что упомянутые стрельцы принадлежали к древнерусскому войску и именно у них отсутствовала поддержка «оружников»[4]. Из данного фрагмента следует, что конные лучники Даниила действовали в отрыве от остального войска, но проявили себя весьма успешно. При этом важно уточнение книжника о том, что «оружников» (вероятно, воинов с более тяжелым вооружением) с ними не было, т. е. отсутствие подобного прикрытия у конных лучников для него необычно. Любопытно и то, что ГЛ — единственный текст среди древнерусских источников (не считая древнерусского перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия), где упоминается термин *оружники*. Таким образом, автор ГЛ максимально точно определяет разные виды войск. Очевидно, «оружники» Даниила — еще один обособленный отряд, призванный защищать лучников, либо это термин, которым на Руси обозначали любых тяжеловооруженных воинов [СлРЯ XI–XIV вв. (6): 154]. На усложнение военной терминологии и упоминание новых тактических комбинаций обратил внимание А. Н. Кирпичников: «В южнорусское войско был открыт доступ разным социальным слоям. В полки входили бояре и “простые люди”, горожане и смерды. В связи с этим на место старой дружинной терминологии все настойчивее выдвигается профессиональная (конники, снузники и пешцы) или общевойсковая (вои). В боевых операциях применяются самые неожиданные и неизвестные ранее комбинации: пехота сталкивается с конницей, конница спешивается, не теряя своих наступательных качеств, лучники вступают в бой даже тогда, когда “оружников не бывшем с ними”...» [Кирпичников 1976: 8]. Очевидно, исследователь сделал такой вывод, фокусируясь именно на летописных описаниях битв XIII в. Однако эпизоды с участием стрельцов Изяслава Мстиславича в XII в. дают другую картину. Так, стрельцы киевского князя самостоятельно отправлялись в погони и перехваты и могли выигрывать время до подхода тяжелой конницы. В то же время для стрельцов Даниила Романовича победа без прикрытия «оруж-

[4] Автор благодарит кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН И. С. Юрьеву за консультацию при комментировании этого эпизода.

ников» — нечто необычное. Наиболее вероятно, что лучники киевского князя были снаряжены гораздо лучше и не нуждались в поддержке. В таком случае мы видим вариативность в использовании этого рода войск в зависимости от характера местности. Эта вариативность привносит изменения в функционал и особенности тактического применения отряда. Однако необходимость включения отрядов ратников, вооруженных дальнобойным оружием, в первую линию боевого порядка была понятна всем полководцам.

Вероятно, в период сразу после монгольского нашествия произошла деградация материального обеспечения стрельцов, так как конные лучники явно утратили способность самостоятельно решать стратегические задачи и были вынуждены действовать в комбинации со вспомогательными войсками. В этом случае тактические комбинации родов войск могут быть показателем упадка материального обеспечения войска. Употребление «профессиональных» терминов лишь отражает попытку военачальников этого времени добиться от своих воинов схожего уровня боевой эффективности при недостатке реальных средств. В этом свете высказывание А. Н. Кирпичникова о модернизации тактики за счет привлечения низших слоев приобретает иной смысл, так как небедные слои стали источником пополнения для новых отрядов и развития специализации внутри войска, а само воинское сословие приблизилось к этим слоям и стало нуждаться в специализации.

* * *

В источниках о XIII в. стрельцы упоминаются при описании боевых действий не только в южных землях, но и на севере Руси. Причем местные летописи молчат о деталях тактической организации войска, однако этот пробел компенсируется сторонними наблюдателями. Так, «Ливонская рифмованная хроника», сообщая о Ледовом побоище 1242 г., указывает на наличие лучников среди «суздальских русских» (LR 2215–2216):

> ...Rûze her von Susdal
> Sie vûrten bogen âne zal...

Варианты перевода: «...русские из Суздаля. / Они имели бесчисленное количество луков...» [Бегунов и др. 1966: 211]; «...русских из Суздаля. / У них было луков без числа...» [Матузова, Назарова 2002: 233].

Важно, что составитель хроники жил в конце XIII в., являлся одним из братьев Ливонского ордена и на момент составления хроники либо имел возможность общения с участниками битв с древнерусскими князьями, либо располагал доступом к текстам за их авторством. Следовательно, сведения о том, что суздальцы имели много стрелков, можно считать достоверными.

При описании самого сражения автор вновь упоминает термин *schutzen*, который может быть дословным переводом древнерусского слова *стрельцы* (LR 2241–2245):

Die Rûzen hatten schutzen vil,
Die hûben dô daz êrste spil
Menlîch vor des kuniges schar.
Man sach der brûder banier dar
Die schutzen underdringen...

Русские имели много стрелков, / которые мужественно приняли первый натиск, / [находясь] перед дружиной князя. / Видно было, как отряд братьев-рыцарей / одолел стрелков... [Бегунов и др. 1966: 213].

У русских было много стрелков, / Они отразили первую атаку, мужественно / Выстроившись перед войском короля. / Видно было, что отряд братьев / Строй стрелков прорвал... [Матузова, Назарова 2002: 233].

Сообщения орденского хрониста дают возможность сделать следующие выводы. Во-первых, подтверждается распространенность практики расположения стрельцов в авангарде войска. Во-вторых, стрельцы приняли удар рыцарей и отступили только после боя, что приводит к мысли о потенциальной способности и готовности стрельцов противостоять тяжеловооруженной коннице, а это предполагает наличие необходимого снаряжения. В-третьих, автор опознает в обладателях луков пришлое подкрепление из Суздаля, а не знакомый крестоносцам городовой полк Новгорода, что, вероятно, указывает на отсутствие у новгородцев подобного подразделения.

Важно отметить, что Новгородская первая летопись ни разу не упоминает участие стрельцов в походах. Это может свидетельствовать о распространенности лучного боя преимущественно в дружинной среде либо в воинских коллективах, связанных с южными землями, где взаимодействие со степными «федератами» было более тесным. Любопытно, что поэтическое произведение, призванное приукрасить детали сражения, не отмечает какой-либо необычный вид лучников или их схожесть со степняками. Следовательно, их боевые комплекты могли быть идентичны таковым у северорусских воинов. А. Н. Кирпичников, рассматривая данный эпизод, отмечает: «Как и на юго-западе, в составе “верховских” полков было много “черных людей”. Большой самостоятельностью отличались северные лучники, рекрутировавшиеся из пехотной “молоди”» [Кирпичников 1976: 8]. Однако информация о том, кем были данные лучники и действовали ли они в пешем строю, в источниках отсутствует.

Современные исследователи отрицают широкую практику применения пехоты в данный период [Зеленов 2022: 62]. Действительно, непонятна тактическая целесообразность использования пехоты в кампании, предшествовавшей битве и предполагавшей набег без осады крепостей. Кроме того, как следует из текста хроники, стрелки стояли перед княжьей дружиной, которая была конной, так как о спешивании какой-либо части войска летопись не сообщает, хотя обычно фиксирует данный тактиче-

ский ход со стороны дружины, если особенности местности благоприятствовали пешему строю[5], чего не было на Чудском озере. В таком случае если бы лучники были пешими, то они оказались бы между двумя конными полками, не имея шансов на спасение. Источники молчат о существовании способов защиты пехоты от кавалерийского натиска, которые могли бы применяться новгородцами и псковичами в это время. Отсутствуют и археологические свидетельства. Однако источники прямо говорят об использовании конных лучников князьями Суздаля еще в середине XII в. Следовательно, использование пеших стрелков в Ледовом побоище не подтверждается источниками и противоречит военным традициям эпохи.

Наиболее вероятно, что *schutzen* (стрелки), вооруженные *bogen* (луками), были конными и выступали яркой иллюстрацией заимствования суздальцами южных тактик и применения их на северных полях сражений. Так, стрельцы, появившиеся в южной степи, оказались на северных рубежах восточнославянской ойкумены. На данном примере можно проследить транзит военной мысли в дружинной среде.

Стрелков в новгородском войске упоминает и «Хроника Ливонии». Ее автор, Генрих Латвийский, являлся участником католической миссии в Прибалтике. Он был очевидцем всех событий в походах и лично знал рыцарей, принимавших участие в боях [Аннинский 1938: 14]. Генрих не упоминает о стрелках как отдельном отряде, а описания битв с «русскими» (новгородцами и псковичами) не позволяют уточнить детали тактики его противников. И все же он пишет об участии лучников в битвах. Хроника подтверждает тезис о том, что древнерусский лучник мог убить рыцаря:

> И отошло русское войско к своим огням, тевтоны же с пением пошли обратно своей дорогой, все здравые и невредимые, кроме одного рыцаря у Генриха Боревина, павшего от раны стрелой... [Там же: 192].

Более того, указывается способность стрелков обратить в бегство орденскую рать: «И бежали они один за другим, видя летящие на них русские стрелы, и наконец все обратились в бегство» [Там же: 191]. Кроме того, в рассказе об осаде замка Оденпе описывается перестрелка осаждающих крепость древнерусских лучников с гарнизоном:

> Стрелки епископа, бывшие в замке, и братья-рыцари многих у русских ранили и убивали из своих баллист. Точно так же и русские кое-кого в замке ранили стрелами из своих луков [Там же: 183].

Свидетельство об участии неких стрелков в штурме замка может найти параллель с рассказом Галицкой летописи под 6737 (1229) г. об осаде польского города Калиша. В описании штурма упоминается участие стрельцов: «Данилови же и Василкови ходящима подлѣ града, стрѣляющимъ на

[5] «Каза Данило сосѣдати воемь своимъ...» [ПСРЛ (2). Стб. 812].

градъ инѣмь стрѣлцемь, и бысть ранено мужь, стоящихъ на забралѣхъ, 100 и 60» [ПСРЛ (2). Стб. 755]. Летописец прямо говорит, что стрелявшие по гарнизону воины были стрельцами. Однако подробности обстоятельств осады значительно различаются, что позволяет увидеть контраст между осадными мероприятиями на севере и юге. Штурм Калиша описан как стремительная атака, которой не предшествовала тщательная разведка и подготовка осадных орудий[6]. По этой причине лучники Даниила и Василька, скорее всего, стреляли с лошади, чтобы обеспечить себе сохранность за счет скорости, так как времени изготовить защитные приспособления у войска не было. Битва под стенами Оденпе велась семнадцать дней, и этого времени могло хватить для подготовки защитных приспособлений для пеших лучников. Маловероятно, чтобы хронист упустил возможность описать столь непривычный способ штурма, который в южных регионах удостоился собственного термина. Кроме того, упоминается, что «новгородцы ‹...› собрали большое русское войско, с ними же был и король псковский ‹...› Владимир со своими горожанами...» [Аннинский 1938: 183]. В отличие от кампании накануне битвы на Чудском озере, в данной ситуации Новгород и Псков изначально планировали осадные мероприятия и явно провели масштабный сбор войска, которое включало в себя и псковских горожан. В таком случае присутствие стрелковой пехоты имеет тактический смысл и обоснование. Следовательно, распространенность стрелковой конницы на севере и ее применение в осадных мероприятиях не может быть подкреплено известными источниками, что подчеркивает контраст с тактиками, принятыми на юге Руси.

Таким образом, хроники крестоносцев однозначно фиксируют использование на севере Руси лучников. Их присутствие в конном строю прямо не упоминается, однако, учитывая сложность атрибуции древнерусских стрелков как пеших воинов в контексте конкретных сражений, а также выявленных исследователями общих тенденций в развитии военного дела рассматриваемой эпохи, можно сделать предположение, что в Ледовом побоище участвовали конные стрельцы, а при осаде Оденпе действовали пешие лучники.

Остается открытым вопрос о происхождении упоминаемых лучников. Автор «Ливонской рифмованной хроники» опознает в стрелках суздальский полк. Герои хроники Генриха Латвийского сражаются против войск, в составе которых подкрепления из других областей Руси эксплицитно не обозначаются. Вместе с тем Генрих не сообщает об отрядах лучников, что согласуется с отсутствием упоминаний этого рода войск в Новгородской первой летописи. Вся совокупность сведений позволяет предположить, что Новгород не располагал достаточным количеством своих

[6] В начале штурма отряд Станислава Микулича был отправлен отвлекать внимание гарнизона. После неудачной атаки он сообщил о том, что обнаружил уязвимое место в укреплениях: «Аще быхомъ исперва вѣдалѣ мѣсто се, то градъ приятъ бы былъ» [ПСРЛ (2). Стб. 756]. Подобная ситуация была бы невозможна, если бы войско Даниила встало лагерем и провело разведку.

стрельцов для выделения их в самостоятельный отряд, однако приглашенные союзники могли восполнять эту нехватку.

* * *

Археологический материал может подтвердить и дополнить данные письменных источников. Произведенный А. Ф. Медведевым анализ находок стрелкового вооружения позволяет строить обоснованные предположения о вооружении древнерусских конных стрелков. Изучая конструкцию новгородского лука второй половины XII в., он установил, что луки на Руси были составными, т. е. идентичными половецким и булгарским [Медведев 1966: 10]. Стрельцы могли использовать как широкие наконечники стрел для поражения незащищенных целей или лошадей, так и утяжеленные типы наконечников для пробивания доспехов [Там же: 97], а значит, они были способны наносить повреждения любому противнику на поле боя, что подтверждает правдоподобность эпизода, описанного Генрихом Латвийским.

Важную информацию дает и сопоставление с археологией степных соседей. Ю. В. Зеленский в работе о структуре половецкого войска приводит примеры комплектов из погребений, в которых воин похоронен в тяжелом доспехе, с луком, саблей и копьем [Зеленский 2004: 57–58]. Половцам были известны и щиты, способные прикрыть владельца в случае ответного обстрела. Учитывая, что сама идея легкой стрелковой конницы была заимствованием из степи, можно заявить о потенциальной возможности того, что стрельцы обладали полным набором снаряжения и выступали уже в роли тяжелых всадников в случае опасного сближения с противником. Стрельцы Изяслава Мстиславича, Александра Ярославича и его брата действовали именно таким способом, так как они могли и проявить себя как воины-стрелки, и продемонстрировать тактическую самостоятельность в схватке. Однако тот факт, что галицкий летописец считал необходимым обеспечить стрельцов прикрытием, свидетельствует о том, что стрельцы его князя были снаряжены куда легче и скорее представляли собой отряд легкой конницы, нуждавшейся в прикрытии. Поход на ятвягов 1256 г. происходил уже после разорения Руси монголами, и подобное обеднение экипировки подразделений могло являться одним из последствий нашествия. По всей видимости, в домонгольскую эпоху стрелец был всадником, способным не только стрелой, но и саблей противостоять своему противнику.

Большой интерес вызывает состав стрельцов как подразделения. Источники не сообщают о принципах набора и комплектования данного отряда. Известно лишь, что Игорь Святославич и его союзники выставили стрельцов отдельным строем, собранным от всех полков, что свидетельствует об отсутствии заранее организованных лучных полков, которые в готовом виде призывались бы в ряды войска. При этом имеются упоминания о том, что в составе стрельцов были как черные клобуки, так и «молодь».

«Молодь» (по нашему мнению, упоминаемая в статье 1151 г. как «русь» [ПСРЛ (2). Стб. 436]), очевидно, являлась той частью стрелецких отрядов, которая не имела отношения к степным союзникам князей. Любопытно, что в среде половцев можно наблюдать аналогичное разделение воинов на молодых конных лучников и более возрастных тяжелых всадников. По данным А. Голебиовской-Тобиаш, «относительно незначительное число захоронений относится к молодым людям (Iuvenis и Iuvenis/Adultus, неточно называемых “подростками” и “молодыми”). Большинство из них были лучниками, невооруженными всадниками. К этой возрастной категории также относилось захоронение тяжеловооруженного воина, принадлежащего к элите...» [Голебиовска-Тобияш 2017: 16]. В то же время «среди умерших, достигших возраста “взрослых” (т. е. зрелых людей старшего возраста, но не стариков — Adultus/Maturus), помимо невооруженных всадников и более многочисленных конных лучников с дополнительным холодным оружием, также наблюдается увеличение количества тяжеловооруженных воинов высокого ранга» [Там же: 17]. Таким образом, видно, что стрелками у степняков тоже была «молодь», а более взрослые и опытные воины могли позволить себе тяжелое снаряжение. Вероятно, подобная картина складывалась и в древнерусском войске.

Установить социальный состав «молоди» затруднительно. Однако есть косвенные свидетельства, которые позволяют реконструировать один из возможных путей попадания в данный отряд — через дружину князя. П. С. Стефанович отмечает, что дружину составляли самые разные группы, но выделяет гридь — корпус военных слуг, существующих за счет князя и лично ему подчиненных [Стефанович 2012: 286]. Учитывая, что стрелковые отряды играли важную роль, логично предположить: князья могли влиять на подготовку своих боевых слуг к лучному бою. Косвенное подтверждение этому можно обнаружить на страницах ГЛ, которая фиксирует наличие при дворе князя мастеров по изготовлению снаряжения именно для конных лучников[7]. Можно предположить, что молодые воины получали от военачальника комплект, необходимый для лучного боя, а по мере накопления опыта и трофеев переходили в статус тяжелых всадников, подобно своим степным «коллегам». Помимо княжеских дружин, древнерусское войско было представлено ополчениями городов. Как отмечается, городские полки состояли из бояр и той страты городского населения, которая могла обеспечить себя вооружением [Зеленов 2022: 62]. Следовательно, есть основания предполагать, что некоторые конные лучники включались в состав войска из числа воинов городского полка. В летописях нет однозначных упоминаний о том, что какие-либо городские полки славны своими лучниками. Однако, судя по находке в Новгороде упомянутого выше лука [Медведев 1966: 10], горожанин мог обладать необходимым вооружением для включения в отряд стрельцов, следовательно, ополчения отдельных городов теоретически имели возможность вы-

[7] «Идяху день и во день, и уноты, и мастерѣ всяции, бѣжаху ис татаръ с ѣ д ѣ л н и ц и, и л у ч н и ц и, и т у л н и ц и, и кузницѣ желѣзу...» [ПСРЛ (2). Стб. 842].

ставлять стрелковые отряды. Тем не менее более точный ответ на вопрос о возможности набора стрельцов из числа городских или сельских жителей, не связанных с дружиной, может быть дан только при анализе археологических находок в селищах и могильниках, которые могли бы включать все необходимые элементы снаряжения стрельцов.

* * *

В источниках есть указание на присутствие степняков среди стрельцов. Вероятно, это связано с высоким процентом способных стрелков из лука среди выходцев из Дикого поля, что создавало у древнерусских авторов стереотип о стрельце как о служилом «поганом». При этом книжники не ставили знак равенства между стрельцами и кочевниками как таковыми, отмечая присутствие «руси» в составе лучного полка. Любопытно, что стрельцы-кочевники фиксируются только в полках киевского и черниговского князей. Оба города находились вблизи региона, названного в литературе Поросьем. Как установлено археологами, территория между Стугной и Росью была зоной, в которой оседлые земледельцы-славяне соседствовали с кочевыми народами, названными А. В. Комаром и А. В. Борисовым «своими погаными» [Комар, Борисов 2021: 29]. Кочевники из племенного союза черных клобуков пасли свои стада вдали от ремесленных поселений славян, но, судя по летописям, были включены в политическую общность региона. В частности, статья под 6654 (1146) г. сообщает об участии черных клобуков в событиях, которые привели к признанию за Изяславом княжения в Киеве[8]. Более того, династические браки и тесные контакты практически стерли преграды между половецкими и древнерусскими элитами, что нашло отражение в том числе в древнерусских княжеских именах у аристократии Степи [Литвина, Успенский 2013: 258–259]. Тесные связи со степняками Поросья и Дикого поля могли стать прочным фундаментом для набора пополнений из их числа в легкую конницу средневековой Руси.

* * *

Таким образом, стрельцы представляли собой интереснейший феномен древнерусского военного дела. Сам факт существования подобной тактической единицы говорит о высоком уровне развития военной мысли. Существование на протяжении веков устойчивого термина для обозначения конкретной группы воинов позволяет проследить эволюцию и специфику боевого применения стрельцов. В XII в. автономность давала им возможность не только выполнять функции авангарда непосредственно в сражении, но и оказывать стратегическое влияние на весь ход боевых действий, осуществляя оперативный захват крепостей и стремительные

[8] «И ту прислашася к нему чернии клобуци и все Поросье и рекоша ему: “Ты нашь князь, а Олговичь не хочемъ”» [ПСРЛ (2). Стб. 323].

марши с целью преследования противника. Характерной особенностью стрельцов было и то, что они не были постоянно действующим слаженным подразделением, одновременно являясь необходимым функциональным элементом войска, который формировался всякий раз на время похода для решения специфических задач. Кроме того, благодаря наличию у соседей восточных славян аналогичного рода войск стрельцы XIII в. могут быть изучены в сравнительной перспективе. В частности, можно сделать вывод о том, что и половецкая, и древнерусская стрелковая конницы комплектовались из молодежи.

Как можно судить на основании источников о Галицкой Руси, после монгольского нашествия конные лучники стали нуждаться в прикрытии из числа «оружников». Такая уязвимость стала катализатором изменений в тактике применения стрельцов. Полководцы Руси испытывали потребность в новых подразделениях для обеспечения эффективности устоявшихся боевых единиц. Так через историю одного рода войск можно проследить взлет и упадок древнерусского военного дела в целом.

Источники

Аннинский 1938 — *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938.

Бегунов и др. 1966 — *Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П.* Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / [Отв. ред. Г. Н. Караев]. М.; Л.: Наука, 1966. С. 169–240.

Лихачева 1997 — Галицко-Волынская летопись / Подгот. текста, пер. и коммент. О. П. Лихачевой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XVIII век / [Под ред. Д. С. Лихачева и др.]. СПб.: Наука, 1997. С. 184–357.

Матузова, Назарова 2002 — Рифмованная хроника. Отрывки VI, IX // Матузова В. П., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. С. 229–254.

ПСРЛ (2) — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.

СПИ — Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.

LR — Livländische Reimchronik: Mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar / Hrsg. von L. Meyer. Paderborn: Schöningh, 1876.

Справочные издания

СлРЯ XI–XIV вв. (6) — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 6 / Гл. ред. И. С. Улуханов. М.: Азбуковник, 2009.

Срезневский 1912 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1912.

Литература

Голебиовска-Тобияш 2017 — *Голебиовска-Тобияш А.* Социальная дифференциация элитной прослойки конных воинов у половцев // Rossica antiqua. 2017. № 2 (15). С. 3–40.

Зеленов 2022 — *Зеленов А. В.* Тактика и состав древнерусского войска XI–XII вв. // Parabellum novum. № 18 (51). 2022. С. 56–71.

Зеленский 2004 — *Зеленский Ю. В.* Структура войска у половцев Предкавказья // Магистериум: Сб. науч. тр. аспирантов и студентов кафедры истории и музееведения. Вып. 2 / [Ред. кол.: Н. Е. Берлиозов и др.]. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2004. С. 54–60.

Кирпичников 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1973.

Кирпичников 1976 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1976.

Комар, Борисов 2021 — *Комар А. В., Борисов А. В.* «Свои поганые» Киевской земли: этапы заселения и ландшафтно-географическая ниша кочевников в земледельческом обществе // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 5. С. 15–39.

Литвина, Успенский 2013 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М.: ПОЛИМЕДИЯ, 2013.

Медведев 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966.

Рыбаков 1951 — *Рыбаков Б. А.* Военное дело (стратегия и тактика) // История культуры Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период: Материальная культура / Под ред. Н. Н. Воронина и др. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 397–416.

Стефанович 2012 — *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М.: Индрик, 2012.

Терещенко 2014 — *Терещенко А. В.* Древнерусские стрельцы (по летописным данным) // Военная археология: Сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 3 / [Отв. ред. О. В. Двуреченский]. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле, 2014. С. 94–101.

References

Gołębiovska-Tobiasz, A. (2017). Social differentiation in the elite level of Polovtsians horse warriors. *Rossica antiqua, 2017*(2, no. 15), 3–40. (In Russian).

Kirpichnikov, A. N. (1973). *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv.* [Equipment of the rider and the riding horse in Rus' in the 9th–13th centuries]. Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russian).

Kirpichnikov, A. N. (1976). *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv.* [Military affairs in Rus' in the 13th–15th centuries]. Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russian).

Komar, A. V., & Borysov, A. V. (2021). The "our pagans" of the Kiev land: Stages of settlement and the landscape-geographical niche of nomads in agricultural society. *Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology, 2021*(5), 15–39. (In Russian).

Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2013). *Russkie imena polovetskikh kniazei: Mezhdinasticheskie kontakty skvoz' prizmu antroponimiki* [Russian names of Cuman princes: Dynastic contacts through the prism of anthoponymy]. POLIMEDIIA. (In Russian).

Medvedev, A. F. (1966). *Ruchnoe metatel'noe oruzhie. Luk i strely, samostrel VIII–XIV vv.* [Handheld missile weapons: Bow and arrows, crossbow, 8th–14th centuries]. Nauka. (In Russian).

Rybakov, B. A. (1951). Voennoe delo (strategiia i taktika) [Military affairs (strategy and tactics)]. In N. N. Voronin et al. (Eds.). *Istoriia kul'tury Drevnei Rusi, Vol. 1: Domongol'skii period: Material'naia kul'tura* (pp. 397–416). Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).

Stefanovich, P. S. (2012). *Boiare, otroki, druzhiny: voenno-politicheskaia elita Rusi v X–XI vekakh* [Boyars, otroks, retinues: The military-political elite of Rus' in the 10th–11th centuries]. Indrik. (In Russian).

Tereshchenko, A. V. (2014). Drevnerusskie strel'tsy (po letopisnym dannym) [Ancient Russian archers (according to chronicle data)]. In O. V. Dvurechenskii (Ed.). *Voennaia arkheologiia: Sbornik materialov Problemnogo soveta "Voennaia arkheologiia" pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee* (Vol. 3, pp. 94–101). MediaMir; Kulikovo pole. (In Russian).

Zelenov, A. V. (2022). Tactics and composition of the Old Russian army in the 11th and 12th centuries. *Parabellum novum, 18*(Vol. 51), 56–71. (In Russian).

Zelenskii, Iu. V. (2004). Struktura voiska u polovtsev Predkavkaz'ia [The structure of the Cuman army in Ciscaucasia]. In N. E. Berliozov et al. (Eds.). *Magisterium: Sbornik nauchnykh trudov aspirantov i studentov kafedry istorii i muzeevedeniia* (Vol. 2, pp. 54–61). Krasnodarskii gosudarstvennyi universitet kul'tury i iskusstv. (In Russian).

Информация об авторе

Александр Владимирович Соловьев
научный сотрудник, лаборатория «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ», Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Россия, 150000, Ярославль, Советская ул., д. 10
✉ *alexander5olovev@yandex.ru*

Information about the author

Alexander Vladimirovich Solovev
Research Fellow, Laboratory "Russia and Europe: Comparative Study of Pre-Industrial Societies" P. G. Demidov Yaroslavl State University
Russia, 150000, Yaroslavl, Sovetskaya Str., Bld. 10
✉ *alexander5olovev@yandex.ru*